
**СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА КАК НАУЧНАЯ ОБЛАСТЬ
ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

ЗАДОРЖНЫЙ Григорий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, академик Международной кадровой академии, главный редактор журнала «Социальная экономика»

РАДЧЕНКО Ярослав Юрьевич, преподаватель Харьковского бизнес-колледжа

...красноречивейшим фактом нашей современности является то, что в основе социальных устремлений, вытекающих из глубочайших жизненных потребностей современного человечества лежит нечто, что принимается за порождение самой экономической жизни, но что в действительности никогда не смогло бы возникнуть на основе одних только экономических закономерностей
Рудольф Штайнер

Техногенная цивилизация ныне вступает в полосу особого типа прогресса, когда гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегий научного поиска
В.С. Степин

«Человекоразмерность» постнеклассической экономической науки

В последнюю треть XX века в основаниях науки произошли кардинальные изменения, которые «можно охарактеризовать как четвертую глобальную научную революцию, в ходе которой рождается новая *постнеклассическая наука*»¹. Изменился не только сам характер знания, но и радикально изменились способы его получения, а само знание, как можно выразиться, вышло на совершенно новую орбиту. Рождение постнеклассической науки, на наш взгляд, обусловлено одним фундаментальным основанием, о котором писали ученые и ранее, но оно в большей степени оставалось теоретической декларацией, так как сама жизнь не требовала его действительной актуализации. Речь идет о статусе самой науки в человеческом обществе, о ее истинных задачах. Р. Штейнер писал, что «не возбуждение вопросов составляет задачу науки, а тщательное наблюдение последних, когда они ставятся человеческой природой и соответствующей ступенью культуры и их *разрешение*»². Сегодня нельзя отрицать, что значительная часть научных достижений основывалась именно на наблюдениях человеческой природы и тех вопросах, которые из этого вытекали. Однако это были вопросы, как правило, *частного* характера. Они возникали в отдельных сферах, плоскостях человеческой жизни, а поэтому ответы на них находились в рамках одной или нескольких, близких по предмету и духу, наук. В лучшем случае, если имеющиеся науки не могли ответить на актуальные вопросы, возникала какая-то новая наука, которая занимала отдельно открывшуюся нишу, т.е. она продолжала углубление процесса научной специализации. Такая ситуация вполне устраивала самих ученых, но она устраивала и жизнь, которую объясняли фрагментарно. Это был период пространственного развития науки, когда

¹ Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: «Прогресс-Традиция», 2000. – С. 626.

² Штейнер Р. Очерк теории познания Гётевского мировоззрения – составленный, принимая во внимание Шиллера. – М.: Парсифаль, 1993. - С. 15.

она входила и осваивала все новые стороны и аспекты человеческой природы и жизни, роста, расширения, если так можно сказать, ее количественного поля. Те исследования, которые имели интегративный характер и давали цельное знание, были скорее исключением, но не правилом. Хотя наличие таких научных теорий совсем отрицать нельзя. Но не они определяли направления развития научного знания.

В последние десятилетия ситуация кардинально изменилась, ибо главным жизненным вопросом стал вопрос о выживании человечества как особого рода. Практически самой актуальной теоретической и практической проблемой, по отношению к которой все другие сегодня выступают более частными, является вопрос о возможностях и условиях продолжении жизни самого человека, о дальнейшем существовании природы и культуры. Найти правильный оптимальный ответ на него нельзя в рамках какой-либо одной науки, или же в формате нескольких близких наук. Нужно целостное знание, которое может быть выработано совместными усилиями ученых разных специальностей и направлений, если они осознают такую необходимость. Но формирование, создание такого нового знания знаменует качественно новую ступень в развитии самой науки, качественное изменение ее роли в человеческом обществе.

Однако анализ тех процессов, которые происходят в науке в начале нового века, дает больше оснований для тревоги, нежели для романтического настроения. Повсеместное господство либеральных подходов, определяющая ориентация на получение денег и прибыли создали такую ситуацию, когда «неприкладная часть современной науки, по крайней мере, в области изучения общественной жизни из поиска истины во многом превратилась к настоящему времени в вульгарный поиск разнообразных грантов. Научная деятельность выродилась при этом прежде всего в процесс поиска соответствующих финансовых ресурсов и участия в конкурсе на право их, выражаясь по-советски, «освоения». Сам же исследовательский процесс как познавательная деятельность решительно отошел на второй план и практически утратил самостоятельную значимость»³, а **«современная общественная наука стремится знать бесконечно много даже не столько о «бесконечно малом», сколько о бесконечно мало значимом»**⁴. Постепенная деградация некогда лучшей в мире системы образования также мало способствует тому, чтобы готовились новые исследователи-гуманитарии, сознательно ориентированные на познание глубинных закономерностей⁵ человеческой деятельности и развития общества, на поиск путей справедливого решения социальных проблем.

С другой стороны, нельзя не замечать тех весьма значимых, но пока еще преимущественно одиночных научных исследований, которые на глубинном научном уровне пытаются всесторонне осмыслить быстро меняющиеся общественные реалии, а также раскрыть новую роль науки в современном функционировании общества. В этой связи можно особо выделить Н.Н. Моисеева, А.С. Панарина, Ю.М. Осипова, А.И. Субетто, В.С. Степина, М.Г. Деягина, Ю.Н. Пахомова, В.А. Кутырева, С.Г. Кара-Мурзу, М.А. Чешкова. В своих работах они не только дают оригинально обоснованное видение современных проблем, глубинный анализ механизмов и путей их разрешения, но приглашают к размышлениям, когда читатель не может оставаться равнодушным не только к тому, что изложено, но и к тем реальным процессам, которые осмысливаются авторами. Эти работы говорят о том, что меняется (должно меняться!) место человека в реальности и науке. Человек из стороннего наблюдателя должен становиться участником процесса преобразований, который своими действиями, основанными на системе ценностей и ответственности, целенаправляет изменения, участвует в создании будущего.

³ Деягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 22.

⁴ Там же.

⁵ «Научное познание и знание есть познание и знание сущности, внутреннего, закономерного» (Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 190).

Что же в этих условиях меняется в самой науке, какова ее роль в современной действительности?

Третья глобальная научная революция означала становление неклассической науки на основе, прежде всего утверждения неклассического естествознания и ее суть сводилась к отказу от прямолинейного онтологизма и пониманию относительной истинности теорий и картины природы, выработанной на том или ином этапе развития естествознания. Это стало возможным благодаря тому, что в самом процессе становления нового знания *изменился сам статус субъекта познания*: если ранее субъект познания дистанцировался от изучаемого мира, то теперь такая предпосылка исследования стала совершенно недостаточной и субъект познания стал рассматриваться как активный субъект, находящийся *внутри познаваемого мира* и детерминированный этим миром. Произошла такая *перестройка оснований науки* благодаря тому, что в духовной сфере было сформировано новое понимание рациональности, исходящее из погруженности самого познающего в протекающую действительность-социальность, которая в значительной степени предопределяла цели познания и ценностные его ориентации. По этому поводу В.С. Степин, ссылаясь на А.Л. Чижевского, пишет: «Переход от классического к неклассическому естествознанию был подготовлен изменением структур духовного производства в европейской культуре второй половины XIX – начала XX века, кризисом мировоззренческих установок классического рационализма, формированием в различных сферах духовной культуры нового понимания рациональности, когда сознание, постигающее действительность, постоянно наталкивается на ситуации своей погруженности в саму эту действительность, ощущая свою зависимость от социальных обстоятельств, которые во многом определяют установки познания, его ценностные и целевые ориентации»⁶. Новое знание, исходя из указанного обстоятельства, вырабатывалось в ходе исследований внутри отдельных научных дисциплин, а поэтому ему не доставало комплексности, универсальности. Во многом это объяснялось также тем, что в указанный период еще не было достаточных средств получения и более основательной и быстрой обработки массивов знаний. Вместе с тем следует отметить, что именно в этот период закладывались отдельные «камни» в фундамент будущего знания, более всесторонне отражающего мир, который познавали ученые разных специальностей.

Важно также и то, что *неклассическая наука еще не ориентировалась и не исходила из ценностей, которые были присущи самим ученым*. «Что же касается самого субъекта и тех внутринаучных и социальных ценностей и целей, которые его характеризуют, то все это по-прежнему выносится за скобку, не находит отражения в описании и объяснении изученного»⁷.

Постнеклассическая наука, опять-таки, основываясь на изменениях в структуре духовной жизни, которые свелись прежде всего к осознанию значимости в развитии человеческого общества гуманистических идей и ценностей, вышла на необходимость исследований реального мира на оснований *междисциплинарных* взаимодействий, позволяющих комплексно анализировать и объяснять мир, в котором общество и природа могут развиваться только в *единстве*, друг через друга. В начале девяностых годов прошлого столетия У. Бек писал, что «наша эпоха – конец противопоставления общества и природы. Нет природы вне общества, как и нет общества вне природы. В конце двадцатого века природа *есть* общество, а оно – также природа»⁸. Такое понимание совершенно по-новому расставляет ориентиры и цели научного познания. Оно исходит из того, что нарушение единства общества и природы чревато катастрофой для обоих, а поэтому необходим синтез естественного и общественного знания, который не может реализоваться без междисциплинарных взаимодействий и заимствований научных положений и доказательств

⁶ Штейнер Р. Очерк теории познания Гётевского мировоззрения – составленный, принимая во внимание Шиллера. – М.: Парсифаль, 1993. – С. 15.

⁷ Крапивенский С.Э. Социальная философия: Учебник для студентов вузов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. – С. 276.

⁸ Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. – L.: SAGE, 1992. – P. 81.

для создания целостной научной картины реальности. Понять современный мир и те процессы, которые с ускоряющейся интенсивностью в нем происходят, невозможно, если находиться во внутридисциплинарной «скорлупе» любой обособленной науки или теории. Познание изменяющихся картин реальности происходит «не столько под влиянием внутридисциплинарных факторов, сколько путем «парадигмальной прививки» идей, транслируемых из других наук. В этом процессе постепенно стираются жесткие разграничительные линии между картинами реальности, определяющими видение предмета той или иной науки. Они становятся взаимозависимыми и предстают в качестве фрагментов целостной общенаучной картины мира»⁹. От фрагментарного узкодисциплинарного подхода (не отрицая его) научное познание переходит к междисциплинарному, синтетическому поиску, направленному на определенные предметные области уникальных систем, в которых действует человек, изменяя как саму такую систему, так и самого себя.

Отсюда вытекают две важнейшие *специфические особенности* постнеклассической науки. Во-первых, объектом исследований постнеклассической науки становятся «человекообразные» комплексы, не сводимые только к природному, ибо в них действует человек как социальное существо, делающее сознательный выбор и несущее за него ответственность. В этом плане, на наш взгляд, полностью можно согласиться с Р. Штейнером, что «человек – есть мысле-существо»¹⁰, а «именно мышление есть высшая из способностей, которыми обладает человек в чувственном мире»¹¹. Сегодня приходит осознание и понимание того факта, что в трудовой деятельности человека первичным, отправным моментом является выработка собственных суждений, а «любое суждение подразумевает распространение как явных, так и неявных знаний»¹². При этом, на наш взгляд, необходимо акцентировать внимание на том, что вырабатывать суждения и новое знание может только человек, который обладает сложными оценочными способностями и интуицией, чем вряд ли может оперировать искусственный интеллект. Именно этим и предопределяется необходимость рассматривать человека как неотъемлемый компонент любой социоприродной системы (комплекса), развитие которой зависит от сужденческих и оценочных способностей человека. В этой связи «важно понять, что наука вообще не заключается в коллекционировании уже познанного и в систематизации последнего в соответствии с той или иной схемой. Она состоит в концентрации мысли на чем-то таком, чего мы еще не знаем, и в попытке его познать»¹³.

— Это еще раз говорит о том, что именно знания, а не информация становятся определяющим ресурсом развития человеческого общества¹⁴, а власть знания становится актуальной доминантной структурой современной человеческой деятельности¹⁵. Такая общественная метаморфоза «требует, чтобы люди стали хозяевами самим себе... При отсутствии согласованности совместных действий индивид должен сам интерпретировать имеющуюся под рукой информацию и тем самым определять, что, по его мнению, является значимым в этой информации. Таким образом, подлинная власть сосредоточена в процессе осмысления информации, а не в какой-либо должности или управленческой функции»¹⁶. Осмыслительная функция становится фундаментом дальнейшего процесса развития, а ее

⁹ Там же. – С. 627.

¹⁰ Штейнер Р. Теософия. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – С. 107.

¹¹ Там же. – С. 108.

¹² Ходжонс Дж. Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // Вопросы экономики, 2001, № 8. – С. 35.

¹³ Крапивенский С.Э. Социальная философия: Учебник для студентов вузов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. – С. 265.

¹⁴ См. подробнее Задорожный Г.В. Интеллектономика как мировоззрение нового века // Социальная экономика, 2002, № 3. – С. 11-23.

¹⁵ См. Задорожный Г.В. Собственность и экономическая власть. – Харьков: Основа, 1996. – С. 124-133.

¹⁶ Zuboff Sh. In the Age of the Smart Machine: The Future of Work and Power. – Oxford, Heinemann, 1988. – P. 308.

носитель – человек, являющийся частью самого развития, получает новый статус, который определяется его целенаправляемой ролью в коэволюционном социоприродном развитии. Отсюда вытекает важнейшая характеристика «человекоразмерного» комплекса: в нем первостепенную роль играет человек как *осмыслитель и целенаправляющий субъект развития* такого комплекса. Именно этим своим качеством «человекоразмерный» комплекс отличается от всех других комплексов, которые были и по-прежнему остаются объектами изучения конкретных научных дисциплин.

При исследовании «человекоразмерных» комплексов вполне закономерно, что их анализ не может проводиться вне *гуманистических ценностей*, а век, в котором получит дальнейшее развитие и воплощение постнеклассическая наука, уже назван *веком гуманитарного знания* (Н. Моисеев). Согласно принципам постнеклассической науки, выход из сложившейся экологической и социокультурной ситуации «состоит не в отказе от научно-технического развития, а в придании ему гуманистического измерения, что, в свою очередь, ставит проблему нового типа научной рациональности, включающей в себя в явном виде гуманистические ориентиры и ценности»¹⁷. Постнеклассическое знание не может не быть гуманитарным знанием, а оно требует усиления и качественного обновления *гуманитарного образования*, вопрос о котором сегодня стоит достаточно остро в связи с реализацией либерального сценария глобализации, который подрывает культуру и непосредственно разрушает гуманитарные ценности.

Важнейшим недостатком современного гуманитарного образования является то, что в нем, как и в целом в обществоведческих науках, недостает знаний о духовной сфере жизнедеятельности человека и общества. В период социализма этот аспект замалчивался и научно не разрабатывался потому, что не вписывался в теорию материалистического понимания истории. Сегодня он не исследуется потому, что, во-первых, не может принести быстрой окупаемости необходимых затрат; во-вторых, он, якобы, весьма далек от потребностей дальнейшего развития общества. На самом же деле такое развитие будет тем успешнее, чем больше человечество и отдельные люди будут обладать знанием основ и закономерностей функционирования духовной сферы, в которой формируются и принимаются практически все хозяйственные решения. Это важно понять и самим ученым, ибо наука есть, прежде всего, продукт духовной деятельности. «Наша теория познания лишила познание его – столь часто приписываемого ему – чисто пассивного характера и утвердила его как *деятельность* человеческого духа. Обыкновенно думают, что содержание науки воспринимается извне; полагают даже, что можно приписывать науке тем большую объективность, чем более дух воздерживается от какой-либо придачи со своей стороны к воспринятому материалу. Наши рассуждения показали, что истинное содержание науки есть вообще не воспринятая внешняя материя, а в духе постигнутая идея, которая нас глубже вводит в мировую жизнь, чем всякое разложение и наблюдение внешнего мира, рассматриваемого как чистый опыт. Идея есть содержание науки. В противоположность пассивно полученному восприятию наука есть, таким образом, продукт деятельности человеческого духа»¹⁸. В этом ключе настало время более внимательно обратиться к научному наследию Рудольфа Штайнера¹⁹, в котором научно, достаточно глубоко и всесторонне разработаны проблемы духовной сферы.

Во-вторых, постнеклассическая наука имеет четко выраженную социальную направленность и значимость. Это вытекает из ее «человекоразмерности», которая изначально основывается на том, что человек, познающий и преобразовывающий мир, является *зрелой личностью*. «О зрелой личности можно говорить лишь тогда, когда

¹⁷ Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М., 1992. – С. 55.

¹⁸ Штейнер Р. Очерк теории познания Гётевского мировоззрения – составленный, принимая во внимание Шиллера. – М.: Парсифаль, 1993. - С. 92.

¹⁹ Работы Р. Штайнера в советское время были запрещены. Первые их переводы на русский язык были произведены в конце 80-х годов XX столетия, но и они практически недоступны широкому кругу исследователей и читателей.

индивид сознательно усваивает социальное, сознательно делает социальное своим собственным, внутренне ему присущим, тогда, когда его деятельность освещена тем или иным осознанием общества как целого. Личность есть человек как внутреннее *единство* социального и индивидуального, есть «преломление» социального через живых индивидов»²⁰. Тем самым «введение» человека, личности внутрь объекта научного исследования делает этот объект «человекообразным», т. е. придает ему характер социального, что практически вызывает объективную необходимость изначальной социальной ориентации научного поиска.

С другой же стороны, научным императивом становится необходимость всеобщей социальной экспертизы (возможностей и пределов допустимых вмешательств человека в природный, а в современных условиях и в искусственно²¹ созданный объект). Социальная экспертиза, оценивающая прогнозные последствия изменений «человекообразных» комплексов, становится неотъемлемым условием любых практических применений постнеклассической науки. «Научное познание начинает рассматриваться в контексте социальных условий его бытия и его социальных последствий как особая часть жизни общества, детерминируемая на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками. Осмысливается историческая изменчивость не только онтологических постулатов, но и самих идеалов и норм познания. Соответственно развивается и обогащается содержание категорий «теория», «метод», «факт», «обоснование», «объяснение и т. п.»²².

Происходящее в постнеклассической науке расширение поля научной рефлексии осуществляется благодаря тому, что новые знания об объекте начинают соотноситься с ценностно-целевыми структурами, когда «эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями»²³. Наблюдается растущая потребность соединения в процессе научного поиска не только достижений и положений разных, порой на поверхности весьма далеких друг от друга, специальных наук, но и определенного синтеза научного и вненаучного знания, а также обыденного сознания, на что обращают внимание те ученые, которые занимаются исследованием проблем хозяйства как сферы жизнедеятельности Человека²⁴, как феномена Культуры, а также вопросами глобалистики, мира и человечества²⁵. Отсюда вытекает необходимость нового подхода для получения

²⁰ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 195.

²¹ В начале 70-х годов XX столетия эта проблема была поднята в докладах Римского клуба. А. Печчеи, первый президент Римского клуба, писал: «Истинная проблема человеческого вида на данной стадии его эволюции состоит в том, что он оказался неспособным в культурном отношении идти в ногу и полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир. Поскольку проблема, возникшая на этой критической стадии его развития, находится внутри, а не вне человеческого существа, взятого как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, то и ее решение должно исходить прежде всего и главным образом изнутри его самого» (Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1985. – С. 43. Впервые эта монография была издана в 1977 г.). Затем осознание данной проблемы обострилось настолько, что ее непосредственно начали связывать с возможностью гибели человечества: «Перед людьми как вопрос жизни и смерти встал вопрос подчинения себе сил, созданных ими, ставших им чуждыми и смертельно враждебными» (Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – С. 319). К большому сожалению, и в начале нового века практически мало что делается для позитивного ее разрешения. Более того, есть все основания считать, что сознательно направляемые технологии воздействия на сознание и подсознание человека используются исключительно в целях его «отключения» от осмысления жизненно важных проблем дальнейшего существования человечества.

²² Степин В.С. Теоретическое знание. – С. 632.

²³ Там же. – С. 634.

²⁴ См. работы Ю.М. Осипова, в частности: Осипов Ю.М. Философия хозяйства. В двух книгах. – М.: Юрист, 2001.

²⁵ Здесь надо выделить работы М.А. Чешкова, который обосновывает необходимость выделения и изучения «комплекса знаний о мире, который ныне включает все более широкий круг дисциплин – от

знаний – проблемно-ориентированного, который реализуется программно-целевой деятельностью. При этом исходным в решении всех проблем современности должен быть императив выживания человечества.

Необходимость проблемно-ориентированного научного поиска предопределяется тем, что человек (социальная группа) как основной деятельностный компонент любой системы выводит ее развитие за пределы механизмов саморегулирования, когда возможный вектор дальнейшего движения, особенно в точках би(поли)фуркации, в значительной мере определяет сам человек, делая сознательный выбор, который требует четкого понимания возможности/невозможности субъективного вмешательства, его допустимой меры или необходимости его полного запрета. Обоснование последних обстоятельств требует не узкодисциплинарных подходов, а целостного знания как о самом объекте, так и о его глубинных причинах, закономерностях, тенденциях. Такое понимание является не просто современным, но становится социально необходимым и значимым исходя из того, что последствия человеческих решений в общественной жизни практически необратимы, а поэтому требуют самых тщательных прогнозов относительно социальных последствий для развития человечества.

Важнейшими методами проблемно-ориентированного знания становятся переход от инверсионной логики к медиации²⁶, повышение значимости применения теории переходности, основанной на циклической логике истории культуры²⁷, и синергетики, позволяющей наиболее полно реализовывать междисциплинарный подход²⁸. При этом при проведении научных исследований весьма необходимым становится требование не подменять реальный мир обсуждением разного рода теорий и мнений, что относится к информационному миру и является хотя и важной для самой науки, но все же второстепенной проблемой. В практическом аспекте важно анализировать физический мир как объект научных исследований. На этом акцентируем внимание потому, что «сам процесс наблюдения и осознания созидает свой собственный, особый, и, что принципиально важно, воспринимаемый как отдельным человеком, так и человечеством в целом мир. Стремительный рост коммуникаций привел к соответствующему росту не столько первичной информации (основанной на прямом восприятии человеком существующего помимо него мира), сколько информации вторичной – информации, основанной на восприятии не самого физического мира, а уже созданной другими людьми информации о нем»²⁹. Между исследователем и физическим миром сгущается своеобразное «информационное облако», ведущее к тому, что «человек эпохи информационной

экономических до культурологических, от психологических до исследований безопасности – и предмет которого есть мир как целостность (world as whole), мир как неразрывная целостность. Этот комплекс охватывает ныне различные направления исследований – цивилизационные и развития (developmental studies), проблематику как мирового (world studies), так и глобального (global studies) порядков, пересекающиеся в конце концов с науками о человеке (человекознание). В этом обширном комплексе четко видны следующие основные тенденции: к “гегемонии” экономнаук (объяснение мира как экономического целого средствами экономисследований), контртенденция – к “гегемонии” культур- и психологического видения; стремление анализировать мир по аналогии с национальными (страновыми) образованиями (society); попытка охватить не только отдельные единицы мирового сообщества (государства, нации, культуры), но и человечество в целом как находящееся в процессе глобальной эволюции, включая постоянную соотнесенность Человека и Бога; использование языков не только частнодисциплинарных, но также информационного и теологического, семиотики и герменевтики и пр.» (Чешков М. Мир науки и науки о мире в свете идей И. Пригожина // МЭ и МО, 2002, № 1. – С. 121-122).

²⁶ Наиболее всесторонне данный метод разработан А.С. Ахиезером (см. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). В двух томах. – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997).

²⁷ См. Хренов Н.А. Культура в эпоху социального хаоса. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.

²⁸ Речь идет о работах нобелевского лауреата И. Пригожина.

²⁹ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. – С. 85.

революции живет в физическом мире, но действует на основе предпосылок и представлений «информационного мира», которые все более отдаляются от мира физического»³⁰. Во многом этому способствует Интернет и другие компьютерные технологии, которые открывают неограниченные возможности воздействия на подсознание человека, минуя стадию критического осмысления и нахождения истинных смыслов. Здесь весьма важно понимать, что насаждение и манипуляции изменяют не только видение и ментальность того, на кого они сознательно направляются, но они не проходят бесследно и для самих манипуляторов, ибо и у них порождают чувства присутствия в виртуальном мире, а тем самым меняют и их сознание. «По данным психокибернетики, человеческий мозг, подвергшийся подобному воздействию, не различает реальные события и вымышленные, виртуальные, разыгрывающиеся в воображении. Воображению надо только дать пищу, и мысленный эксперимент при этом сформирует в мозге те же связи, что и реальные события. Следовательно, виртуальная реальность ведет к выработке новой шкалы ценностей. Изучение «нетизеров» (фанатиков Интернет) в США показало, что их психология, менталитет и даже внешние черты характера быстро (за 1-2 года) изменяются в сторону ценностной ориентации на виртуальную информацию»³¹. Такая ситуация не просто искажает действительность физического мира, но и способствует нарастанию ошибочных суждений, оценок и решений, оборачивается растущими общественными потерями, многие из которых имеют необратимый характер. Избежать таких результатов частично можно, если, во-первых, будут соблюдаться принципы и требования постнеклассической науки, а, во-вторых, люди, принимающие социально значимые решения, будут опираться на практические рекомендации ученых, обязательно содержащие оценку социальных последствий предполагаемых управленческих решений.

Правда, при этом в современном мире появилась еще одна опасность, с которой нельзя не считаться. Во внимание необходимо принимать то, что конец XX и начало XXI века ознаменовались четким изменением формата функционирования и развития как экономической, так и социальной системы в целом. «В конце 2000 г. стало очевидно, что траектория развития экономики США, а соответственно и мировой, меняется с линейной на бифуркационную, прогнозировать ход которой практически невозможно»³². Этим во многом объясняется переход в методологии исследований общества с формационного подхода, который был нацелен на поступательное развитие прогресса, к цивилизационному подходу, в рамках которого первостепенное значение приобретают социокультурные факторы, а также вызревает понимание губительности для человечества «войны цивилизаций» и необходимости поисков доверия, социального диалога, развития на основе умножающегося разнообразия культур. В связи с этим резко возрастает необходимость научной оценки социальных последствий каждого из имеющихся в точках бифуркации векторов дальнейшего движения социальной системы с тем, чтобы своевременно ввести запреты на те решения и действия, которые толкают человечество в бездну. Именно через выявление таких запретов, превращение их в практические императивы человеческой деятельности только и можно способствовать тому, что будет обеспечен переход к коэволюционному развитию человека, общества и Природы.

Место и роль социальной экономики в постнеклассическом научном знании

Постнеклассическая наука реализуется посредством развития и реализации комплексных исследовательских программ, в которых первостепенное значение приобретают «парадигмальные прививки» (В.С. Степин), транслируемые из других наук. Это говорит о том, что основным полем деятельности ученого становится определенная научная область, которая не ограничивается узкоспециализированной направленностью. Другими

³⁰ Там же. – С. 83.

³¹ Мясникова Л. Российский менталитет и управление // Вопросы экономики, 2000, № 8. – С. 39.

³² Мясникова Л. «Новая экономика» в пространстве постмодерна // МЭ и МО, 2001, № 12. – С. 6.

словами актуальной задачей развития специальных наук, в том числе и экономической, становится определение такой научной области исследований, которая бы открывала достаточно широкий простор для современных проблемно-ориентированных исследований.

На наш взгляд, для исследователей-экономистов такой *областью научного анализа является социальная экономика*. Это утверждение мы выдвигаем в качестве *научной гипотезы*³³ и попытаемся его обосновать. При этом, как видимо, нам не избежать некоей оценки «информационного облака» с тем, чтобы потом проанализировать современные реалии физического мира.

Такой подход вполне оправдан, ибо в последние годы появились публикации, авторы которых пишут о конце социализации или, по крайней мере, о пределе доминантности социального начала в развитии человеческого общества. Так, М.А. Чешков утверждает, что «мы вправе заключить, что *доминантная роль социального начала достигла своего предела и исчерпала себя* не только как средство развития, но и как средство выживания человека»³⁴. Хотя сразу же делает оговорку, что «точнее говорить об исчерпанности *стадиальной формы социальности*, т.е. той эпохи истории, когда социальность определяла все остальные стороны человека или, короче, о *завершении социальной стадии эволюции человечества*»³⁵. Здесь оговорка, видимо, важнее предшествующего утверждения. Ее можно понять так, что актуальная структура человеческой деятельности, основанная на социальности, уходит в основание (сохраняется элементом фундаментальной структуры), а ее место занимает иная актуальная структура. Однако пока эта новая стадия не называется даже пишущими о ней авторами. Вместе с тем, все же следует учесть обоснованное Д. Беллом положение, которое помещено им в Заключение своего фундаментального исследования постиндустриального общества. Вот оно: «На протяжении большей части человеческой истории *реальностью была природа*: и в поэзии, и в воображении люди пытались соотнести свое «я» с окружающим миром. Затем *реальностью стала техника*, инструменты и предметы, сделанные человеком, однако получившие независимое существование вне его «я», в овеществленном мире. В настоящее время реальность является в первую очередь социальным миром – не природным, не вещественным, а исключительно человеческим – воспринимаемым через отражение своего «я» в других людях. Общество само становится сетью сознания, формой воображения, которая должна быть реализована как социальная конструкция»³⁶. И хотя в последние десятилетия не все прогнозы Д. Белла сбылись, но то, что реальность определяется и отражается социальным миром, социальными связями, социальным капиталом, которые сегодня стали и, видимо, еще длительное время будут представлять актуальную структуру человеческой деятельности, пока не подлежит сомнению. Иное дело, что происходят существенные трансформации в самой социальной жизни современного общества, в социальных отношениях людей. Но от этих трансформаций не меняется сама природа человеческого общества. И задача науки состоит в том, чтобы осмыслить эти трансформации, определить их наиболее существенные тенденции, оценить последствия их осуществления для будущего человечества.

На наш взгляд, более правы те исследователи, которые, *изначально* оставаясь в координатах познания именно *человеческого общества* (отход от этого методологического

³³ «На пути от обнаружения научной проблемы к построению теории необходимым узловым, связующим пунктом выступает гипотеза – научное допущение или предположение, истинность которого еще требуется доказать... Гипотеза есть форма развития любого знания, поскольку последнее мыслит и развивается, а не превратилось в нечто застывшее» (Крапивенский С.Э. Социальная философия: Учебник для студентов вузов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. – С. 267).

³⁴ Чешков М.А. К интегральному видению глобализации // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 120.

³⁵ Там же.

³⁶ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – С. 663.

основания закладывает извращенные понимания действительности), говорят о качественных изменениях в самих социальных отношениях. В этом плане весьма плодотворным может быть подход, основанный на применении методологического положения о фундаментальной и актуальной структуре применительно к развитию самой социальности. Этот подход, не отрицая основоположной значимости в современном мире социальных отношений, указывает на изменение роли социальной структуры общества, которая из индустриальной структуры все больше превращается в сетевую структуру, которая изменяет как само понимание социальности, так и его природу. «Институты и организации гражданского общества, которые строились вокруг демократического государства, вокруг контракта между капиталом и трудом, - писал М. Кастельс во второй половине 90-х годов прошлого века, - превратились в пустые скорлупки, все менее соотносящиеся с жизнью людей... Трагедия и фарс заключается в том, что в тот момент, когда большинство стран мира наконец завоевали себе доступ к институтам либерализма (которые, на мой взгляд, являются основой любой политической демократии), эти институты оказались столь далеки от структур и процессов, играющих сегодня реальную роль, что большинству они представляются издевательской усмешкой на новом лице истории. В конце тысячелетия голыми оказались и король, и королева, и государство, и гражданское общество, а их граждане-дети разбросаны по самым различным приютам»³⁷. В этих условиях начинает формироваться общество сетевых структур, динамика противоречий которых «составляет саму суть того исторического процесса, на основе которого создается новая социальная структура, кровь и плоть наших обществ»³⁸. Власть здесь также имеет определяющее значение, но сама трансформация власти состоит в том, что «новая власть заключается в информационных кодах, в представительских имиджах, на основе которых общество организует свои институты, а люди строят свои жизни и принимают решения относительно своих поступков. Центрами такой власти становятся умы людей»³⁹, а самобытность личности меняет саму структуру власти через формирование личностью интересов, ценностей, планов и тем самым «становится главным центром власти»⁴⁰. Самобытность личности не может полностью реализовываться в условиях власти, основанием которой выступают отношения господства – подчинения. Реализации самобытности личности способствует сетевая, децентрализованная форма организации, которая вызывает к жизни новые социальные движения. Они имеют сетевую природу и «возникают» как создатели и распространители культурных кодов и кодексов.

Сетевые структурные социальные изменения знаменуют переход к новому качеству самой социальности: в ней социальная морфология начинает доминировать над социальным действием. «Сети составляют новую социальную морфологию – сетевая логика пронизывает производство и создает новые формы (например, ТНК), культуру, все институты власти, вторгаясь даже в повседневную жизнь каждого человека. Сетевые структуры обеспечивают глобализацию капитала и децентрализованную концентрацию производства и труда. Капитал и труд подчиняются логике сетей. Противоречия «труд – капитал», «интеллектуальный капитал – физический капитал» маскируются сетевой структурой и представляются как противоречие между логикой потоков капитала и культурными ценностями человеческого бытия»⁴¹.

Переход к господству социальной морфологии основывается на том, что наиболее приемлемой и обоснованной в качестве новой актуальной структуры человеческого

³⁷ Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. – С. 297.

³⁸ Там же. – С. 303.

³⁹ Там же. – С. 304.

⁴⁰ Там же. – С. 305.

⁴¹ Мясникова Л. Российский менталитет и управление // Вопросы экономики, 2000, № 8. – С. 39.

общества в современных условиях следует считать *ментальную эволюцию*⁴², связанную с тем, что на стыке веков – XX и XXI качественно меняется *предмет человеческого труда*: им становится сознание человека. «В последней четверти XX века, когда скорость развития технологий начала превышать скорость осознания человеческим обществом причин и особенно последствий этого развития, общество было вынуждено начать приспосабливаться и к этому ускорению, приспосабливая к нему само свое сознание, ускоряя и усложняя его процессы. Тем самым оно открыло новое направление собственного развития – «ментальную» эволюцию, эволюцию сознания»⁴³.

В русле актуализации ментальной эволюции, на наш взгляд, следует рассматривать переход к постклассической науке. Он во многом подготовлен и обусловлен развертывающимся процессом глобализации, которому сегодня навязан антигуманный сценарий в рамках неолиберальных подходов. Реализация этого сценария направлена не на решение острейших общечеловеческих проблем, а диктуется интересами наиболее богатых стран, прежде всего самой экономически могущественной страны мира – США. Сформированное там потребительское общество требует все больших и больших затрат энергии, которыми сама страна не располагает. В Докладе о развитии человека за 2001 год констатируется, что «5 % населения Земли, живущих в США, потребляют примерно 44-45 % мировой энергии. Если весь мир перейдет на уровень энергетического потребления среднего американца, планета превратится в свалку отходов, а разведанных и потребляемых энергоресурсов человечеству хватит всего на 15 лет». Геополитическая экспансия США, направленная на установление своего патроната в других, прежде всего богатых природными ресурсами государствах и их подчинение достижению своих целей не решает, а лишь до предела обостряет социальные проблемы, прежде всего проблему мирового неравенства, что толкает человечество к гибели.

Перед человечеством, которое начало процесс осознания бесперспективности современной технотронной цивилизации еще на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году и обосновало «Повестку дня на XXI век», сегодня стоят новые задачи, накапливающиеся на основе неразрешенных проблем, оставшихся в наследство от XX столетия. Речь идет о роли самого человека в развитии человеческого сообщества. Здесь важно подчеркнуть противоречивость современного социального статуса самого человека. С одной стороны, среди пассионариев современного общества нарастает понимание того, что разрешить острейшие проблемы развития человека, общества и Природы может только разум человека, понимающий всю сложность ситуации и трезво оценивающий возможную перспективу. В этой связи становится понятным, что в основании современного системного кризиса, в нарастании разного рода рисков лежит кризис духовно-нравственной сферы, а поэтому именно в этой сфере должны быть найдены пути выхода человечества для его социального развития. С другой стороны, навязанный миру неолиберальный сценарий глобализации, основанный на подчинении новейших технологий получению максимальной прибыли, резко меняет место человека в глобальном развитии. Человек, его сознание и подсознание становятся главным предметом труда, что качественно изменяет статус самого человека: он становится *объектом* воздействия, манипуляций, все более превращается в гедонистическую особь, которая сосредотачивается на своем комфорте за счет сокращения творчески-созидательных усилий со своей стороны. Постоянное воздействие низкопробной массовой культуры, насаждение виртуальной мечты о благополучии и достатке, который обещает повсеместная реклама, перенесение мыслей человека из реальности в сферу грез, фантазий, миражей уже привело к тому, что «человек эпохи информационной революции **живет в физическом мире, но действует на основе предпосылок и представлений**

⁴² Наше первое обращение к этой проблеме научного анализа см. Задорожный Г.В. Социальный экономист в эпоху ментальной эволюции // Социальная экономика, 2002, № 1-2.

⁴³ Братимов О.В., Горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. – М.: ИНФРА-М, 2000. – С. 40.

«информационного мира», которые все более отдаляются от мира физического»⁴⁴. Информационное облако, все более и более окутывающее современного человека, разрастается в направлении усиливающейся манипуляции его сознания, стремится довести до предела отрыв человека от реальности, поместить его в искусственно созданную виртуальную среду, в которой нет нужды замечать и разрешать проблемы и противоречия реального мира, которые только и могут углублять дискомфортное состояние человека.

Эта вторая сторона современной ситуации лишь обостряет положение человека, его отношение с обществом и природой, отвлекает его внимание от мыследеятельности по поводу дальнейшего хозяйствования, обустройства своей жизни в гармонии с природой. Гедонистический человек избегает любых усилий, он глубоко верует в то, что за него кто-то решит все проблемы. При этом он не хочет знать о том, что этот кто-то решает проблемы только с точки зрения своей чисто эгоистической выгоды – получения прибыли здесь и сейчас.

Противоречивость ситуации и статуса современного человека должна разрешаться положительно для человека и человечества. Ее разрешение обусловлено тем, что «практика настойчиво возвращает человечество к поиску таких подходов в научном познании и практической деятельности, которые бы органично сочетались с антропологическим измерением глобального социального развития, человеком в его единстве с социумом и природой»⁴⁵. Тем самым подтверждается необходимость изменения координат научных исследований человеческого общества и различных его сфер, перехода в рамки основных принципов постнеклассической науки с ее ориентацией на гуманистические ценности. Именно через развитие постнеклассического знания следует искать научные выходы из сложившейся ситуации. Анализ развития современного общества практически невозможен вне взаимодействия цивилизационного, социокультурного и антропологического⁴⁶ подходов, которое только и позволяет всесторонне изучать общественное воспроизводство на разных его уровнях с точки зрения динамики жизнедеятельности человека и общества в единстве с природой.

Кардинальные быстрые изменения социальных отношений, обусловленные глобализацией, проявлением ее основных тенденций в разных странах и регионах мира, требуют от ученых предельного напряжения мыследеятельности, которая не всегда может эффективно выполнять прогностическую функцию. Но прогноз социальных последствий принимаемых человеком решений становится просто необходимым для реализации императива выживания человечества. «Находясь, по существу, на переломном этапе истории, когда реальна смена типа цивилизации, очень сложно предусмотреть последствия интенсивного роста научного знания и широкого использования современных достижений науки. Техногенная цивилизация порождает силы, которые подчас становятся неподвластными человеку, а сам человек нередко утрачивает статус смыслообразующей константы научных и социальных нововведений. Именно поэтому антропологический фактор в настоящее время рассматривается как один из определяющих векторов осознания необходимости устойчивого развития, безальтернативности подобного выбора»⁴⁷.

⁴⁴ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 83.

⁴⁵ Данилов А. Состоялась ли переоценка доктрины развития современной цивилизации? (к итогам десятилетия Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро) // Проблемы теории и практики управления, 2002, № 6. – С. 32.

⁴⁶ «Антропология социальная – научная дисциплина, описывающая конкретные человеческие общности, рассматривающая формы их воспроизводства в тесной связи с динамикой совместной и индивидуальной жизни людей» (Социальная философия: Словарь. – М.: Академический Проект, 2003. – С. 17).

⁴⁷ Данилов А. Состоялась ли переоценка доктрины развития современной цивилизации? (к итогам десятилетия Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро) // Проблемы теории и практики управления, 2002, № 6. – С. 32.

Сегодня наблюдается кризисное состояние экономической теории не в последнюю очередь потому, что до сих пор ее исследования, как правило, направлены на анализ равновесия и условий его достижения. Так, Л. Колесникова, на наш взгляд, вполне обоснованно утверждает, что «можно констатировать кризис попыток описания мира малых и микрофирм, а также предприятий неформального сектора в рамках экономической теории равновесия. Это обусловлено их *качественной* природой (определяемой понятиями, близкими к категориям «семейное товарное хозяйство», «семейный трудовой доход» и т.п. и отличными от преимущественно *количественных* категорий «бизнес» и «прибыль»), а также другим типом связи с микро- и макросредой. Поэтому для разработки средств экономического анализа предприятий малого бизнеса и неформального сектора необходимо обратиться к истокам экономической науки, включая теорию натурального и семейного товарного хозяйства, что обусловлено высокой степенью «человекомерности» этих проблемных областей»⁴⁸. Еще в большей степени эта проблема возникает при исследовании крупных корпораций, которые определяют формирование экономики знаний, и управление знаниями в них становится основой их оперативной конкуренции и стратегического развития. Корпорация – это прежде всего «человекомерный» комплекс, в котором главным ресурсом развития является человек со своими знаниями, интеллектом, ценностями, мотивацией. Поэтому сегодня стратегически мыслящие высшие менеджеры корпораций, понимая, что именно знание является наиболее важным и ценным ресурсом, создают группы или отделы управления знаниями, управления интеллектуальными активами. Это требует совершенно новых подходов в исследовании современных экономических явлений и процессов, ибо они не могут быть проанализированы в рамках экономических подходов, разработанных для индустриальной экономики.

Экономика знаний – это нечто большее, чем сама экономика. Экономические теории и экономические методы здесь важны лишь постольку, поскольку человеческие инновации реализуются пока преимущественно посредством рыночного механизма, но сам рынок на основании действия закона стоимости уже не может достаточно полно и всесторонне оценить знаниеемкие продукты, которые основаны на новом предмете труда – человеческом сознании. Переход от технологий high-tech к технологиям high-hume, которые определяют не только облик современного глобального общественного производства, но и тенденции становления новых социальных отношений, объективно требует широкого междисциплинарного подхода, направленного на исследование человека действующего, человека творческого, который своей самореализацией вмешивается в функционирование саморазвивающихся систем, порой таким образом, что его вмешательство разрушает сам механизм саморазвития. Это позволяет говорить о том, что в современной науке должны самым тесным образом интегрироваться знание о саморазвивающихся системах и знания о человеке как творческо-деятельностном субъекте, а результатом такой интеграции должно стать новое знание. Мы пока не можем дать определение такому знанию, хотя, на первый взгляд, его могут называть синергетическим. Но это, как представляется, далеко не так.

Синергетика в нем скорее является одним из методов исследования, расширяющая горизонты и возможности самого анализа за счет миграции научных категорий между отдельными науками. Сегодня с определенностью можно лишь утверждать, что это новое знание должно быть интегрально-целостным, в котором принципы саморазвития органично бы сочетались с принципами целенаправленной деятельности человека. При этом чрезвычайно важно, чтобы среди последних важнейшим, предопределяющим все другие, стал принцип социальной допустимости любой человеческой деятельности. Здесь на качественно новом витке человеческой истории должен произойти возврат ко второй фундаментальной бифуркации⁴⁹, когда нравственность становится определяющей в любых

⁴⁸ Колесникова Л. Предпринимательство: от «максимизации прибыли» к синергии социально-экономических систем // Вопросы экономики, 2001, № 10. – С. 41-42.

⁴⁹ «Первой фундаментальной бифуркацией» процесса эволюции Земли Н. Моисеев назвал возникновение жизни; второй – «рождение Разума», возникновение и развитие интеллекта и

применениях интеллекта. Нравственность следует рассматривать не просто как источник социального запрета, но как императив выживания человечества, реализующийся именно в социальных запретах. Поэтому столь важно в исследования экономических процессов ввести социокультурные факторы, выражающиеся, прежде всего в «таких субъективных терминах, как ценности, установки, верования, ориентации и убеждения, превалирующие среди членов общества»⁵⁰.

Тем самым, на наш взгляд, можно говорить о том, что это новое знание свою интегрально-целостную природу приобретет посредством нравственных оснований и ориентаций и будет соотноситься не с какой-то одной, пусть даже самой важной для человечества специальной наукой, но с Культурой. Последняя понимается как «нечто «обуздывающее» природу, противоположное ей, но внутренне с ней связанное и от нее неотъемлемое. В культуре проявляется достигнутое в процессе развития отношение людей к миру и друг к другу, то есть ценности, а не просто смыслы, не зависящие от чувств и субъективности человека. Это ценностно-рациональные, а не только целе-рациональные способы регулирования жизни в социуме»⁵¹. Здесь нам сразу же возразят, что наука, знание – нейтральны от ценностей, с чем стоит согласиться. Но на этом нельзя ставить точку. Важно помнить еще о двух моментах. Во-первых, формирование и становление человека, в том числе освоение им накопленных знаний, происходит в культурной среде, основанной на нравственных ценностях. Здесь «освоение» равнозначно «вырабатыванию» знаний, а последнее всегда взаимопереплетено с освоением культуры, т.е. знания изначально воспринимаются человеком как компонент культурных ценностей. Во-вторых, что производно от первого, знание использует человек, имеющий свою философию жизнедеятельности, в основе которой лежат ценности, установки, нормы. Используя знание, человек помещает его в культурную среду, действует, исходя из культурных ценностей. Для человечества важны знания не сами по себе, а их практическая реализация как условие жизни и развития человека. Но развитие человека может достигаться только в культурной среде и посредством культуры. Тем самым знание становится не только человеческим, но и **человечным**, так как служит человеку. Именно в этом состоит суть «человекоразмерных» комплексов, которые становятся объектом научных исследований. Поэтому в современном знании человеческие ориентиры становятся исходными, предопределяющими как содержание научных исследований, так и пути и результаты практического использования новых знаний. «Современная наука – на переднем крае своего поиска – поставила в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве компонента включен сам человек. Требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки. Есть все основания полагать, что по мере развития современной науки эти процессы будут усиливаться. Техногенная цивилизация ныне вступает в полосу особого типа прогресса, когда гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегии научного поиска»⁵².

Следует также обратить внимание на то, что исследование «человекоразмерных» комплексов во весь рост ставит перед учеными весьма важную проблему научной этики. С одной стороны, определение границ возможностей вмешательства ученых в сам объект

мышления (причем «разумен» только человек, а не животное или искусственный интеллект), возникновение и развитие нравственности. Нравственность становится особенно важной, когда в результате деятельности человека возникает «вторая природа» – техносфера, представляющая опасность как для природы, так и для человека» (Тарко А. Н.Н. Моисеев о проблемах развития биосферы и общества // Свободная мысль – XXI, 2002, № 8. – С. 65).

⁵⁰ Хантингтон С. Предисловие. Культуры – это серьезно // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – С. 11.

⁵¹ Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 157.

⁵² Степин В.С. Теоретическое знание. – С. 636.

научного исследования становится проблемой этического характера⁵³. Но, с другой стороны, резко возрастает прикладная роль социальной ответственности ученого, основанной на его *совести* как внутреннем моральном самоосновном, неделимом или целостном явлении, присущем только человеку⁵⁴. Совесть присуща только личности и она соотносится с добром, с внутренней осознанностью добра и действий в обществе во имя добра. «Если действие в соответствии с добром усваивается индивидом, пропускается через его внутренний мир и образуется *потребность* в его совершении, то у человека формируется *совесть*. Совесть есть *внутренняя* потребность личности (индивид, не являющийся личностью, не может иметь совести) в совершении действий в соответствии с добром. Отсюда видно, что долг и совесть существуют всегда, когда существует общество, у изолированного индивида они невозможны, и образуются у сознающих (и самосознающих) индивидов в процессе их участия в жизни общества»⁵⁵. Однако в современных условиях, когда все общественные феномены «попадают» в сферу корысти, вовлекаются в сферу «купли – продажи», когда наука во все большей мере превращается в технологизированную науку, в которой «процедуры верификации и фальсификации... стали производными от процедур представления и продажи знания»⁵⁶, все чаще приходится наблюдать в сфере науки весьма далекие от научной этики явления. Многие «ученые» видят свою цель не в служении истине и добывании новых знаний, а в своем карьерном росте, личном обогащении, внешне, казалось бы, правильному по форме, но издевательскому по содержанию «потоплению» своих конкурентов. О совести ученого во многих случаях не приходится говорить, ибо она сегодня не приносит материального обогащения.

Такому состоянию способствует и постсоциалистическое государство, в котором «все, к чему прикасается государство, превращается в имитацию деятельности... как только оно берется за что-то, оно тут же это унифицирует и формализует. В результате содержание, реальность, ради которой все создавалось, исчезает»⁵⁷, а оборотной стороной государственных усилий всегда становится коррупция⁵⁸. При этом подрываются нравственные устои общества, происходит духовное оскудение нации, деградирует личная ответственность ученого, разрушается внутренняя культура, что во много раз опаснее войны или стихийных бедствий. Воочию в мире наблюдается «небывалый, апокалиптический поединок между корыстью и совестью» (В. Непомнящий), в котором пока побеждает корысть.

Переход к постнеклассической науке, ее гуманистическим принципам и ориентирам, резкое повышение значения научной этики, необходимость выявления запретов в человеческой деятельности на основании научной социальной экспертизы требуют глубочайшего и всестороннего переосмысления всех дефиниций и положений экономической науки, которая должна не на словах и разного рода, пускай даже весьма изящных, математизированных схемах, а на деле служить человеку, обществу и Природе. Для этого же необходимо осознание того, что именно социальная экономика становится научной областью современного экономического знания, что именно с развитием социальной экономики связано формирование новой постнеклассической научной парадигмы.

Выявление закономерностей развития социальной экономики может вооружить как ученых, так и хозяйствующих практиков новым знанием, которое становится необходимым в усложняющемся, быстро меняющемся мире. Необходимость этого нового знания исходит из

⁵³ Там же. – С. 631.

⁵⁴ «Понятие совести описывает те моральные акты и явления, которые для своего существования и свершения не имеют причин вне себя. Они беспричинны. Совесть – причина самой себя» (Мамардашвили М. Лекции по античной философии. – М.: «Аграф», 1999. – С. 28).

⁵⁵ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 168.

⁵⁶ Кордонский С. Кризисы науки и научная мифология // Отечественные записки, 2002, № 7. – С. 76.

⁵⁷ Наука без государства // Отечественные записки, 2002, № 7. – С. 159.

⁵⁸ Там же. – С. 161.

социальной природы самого человека, для которого сегодня актуально, как, может быть, никогда прежде, ответить на извечные, но встающие перед каждым, вопросы: Кто я? Где я? Зачем я? Ответ на них важен не только потому, что человек – существо деятельное. Он более важен потому, что только осознанное осмысление этих вопросов и ответов на них дает понимание того, как осуществлять свою деятельность в этом быстро меняющемся мире, чтобы не только достойно жить самому, но и чтобы дети и внуки могли чувствовать себя людьми, могли саморазвиваться и самореализовываться ради себя и человечества как высокоразвитого духовного рода, дальнейшему развитию которого мы должны предоставить шанс.

Поступила в редколлегию 11.11.2003 г.

© Задорожный Г.В., Радченко Я.Ю.